

Зачарованная

Холли Блэк

Отважная

2005

Блэк Х.

Отважная / Х. Блэк — 2005 — (Зачарованная)

Любое предательство ранит очень больно. А если его совершили лучшие подруги и, что еще ужаснее, родная мать, то... В общем, комментарии излишни. Семнадцатилетняя Валери Рассел сбегает из родного городка в Нью-Йорк, чтобы начать там новую жизнь, и оказывается в компании бродяг, обитающих в лабиринтах городской подземки. Однако вскоре выясняется, что они там далеко не одни. В самых укромных уголках бесчисленных туннелей прячутся фейри – сказочные существа, в реальность которых современному человеку трудно поверить. Знакомство со страшным и в то же время необыкновенно благородным троллем по имени Равус ставит Валери перед нелегким выбором.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Холли Блэк

Отважная

*Моему мужу Тео, потому что ему нравятся девушки, умеющие
стоять за себя.*

Пролог

*Меня научит лист, цветок
И блики пламени костра
Преобразать печаль в поток
Живого серебра.*
Сара Тисдейл. «Алхимия»

Дриада задыхалась от яда, и ее медленно текущие соки пылали. С дерева уже опали почти все листья, а немногие оставшиеся почернели и съжились. Она вытащила корни из почвы – и длинные волосистые плети содрогнулись от холодного воздуха поздней осени.

Железная ограда окружала ствол уже много лет, и присутствие металла было для дриады таким же привычным, как и другие мелкие недомогания. Железо обожгло ее, пока она перетаскивала через него корни. Дриада упала на тротуар, и ее древесное сознание наполнилось болью.

Человек, прогуливавший двух собак, отшатнулся и налетел на стену дома. Такси остановилось, взвизгнув тормозами, и громко загудело.

Пока дриада поспешно отползала от металла, длинные ветви перевернули какой-то пузырек. Она уставилась на бутылочку из темного стекла, выкатившуюся на проезжую часть: из горлышка выливались последние кайли горького яда, но на полоске бумаги, залитой воском, виднелись знакомые каракули. В пузырьке должно было находиться обычное тонизирующее средство. Дриада снова попыталась встать.

Одна из собак залаяла.

Дриада чувствовала, как яд разливается по ней, перехватывая дыхание и затуманивая мысли. Она ползла, но уже не могла вспомнить, куда именно. Темно-зеленые пятна, словно ссадины, выступали по всему ее стволу.

– Равус, – прошептала дриада, и кора у нее на губах растрескалась. – Равус...

Глава 1

Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!

Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье»¹

Валери Рассел почувствовала, как к пояснице прикоснулось что-то холодное, и развернулась, инстинктивно нанося удар. Рука шлепнула о чью-то плоть. Банка газировки упала на цементный пол раздевалки и покатилась. Выливающаяся коричневая жидкость запузырилась, собираясь в лужицу. Остальные девчонки, переодевавшиеся в тренировочные костюмы, обернулись и захихикали.

Подняв руки в дурашливом испуге, Рут рассмеялась.

– Просто шутка, коза ты драная.

– Извини, – с трудом выдавила из себя Вэл, сдерживая резкий прилив злости и чувствуя себя идиоткой. – Что ты здесь делаешь? Мне казалось, что на пот у тебя аллергия.

Рут уселась на зеленую скамейку. Она выглядела очень экзотично в старомодном смокинге и длинной бархатной юбке. Брови у Рут были тонкими нарисованными линиями, а глаза обведены черным карандашом и красными тенями, так что она походила на танцовщицу театра Кабуки. В ее лаково-черные волосы, более светлые у корней, были вплетены пурпурные ленточки. Рут глубоко затянулась гвоздичной сигаретой и выпустила струю дыма в сторону одной из подруг Валери по команде.

– Только если воняет от меня.

Вэл закатила глаза, но улыбнулась. Надо признать: ответ получился классный. Вэл и Рут дружили целую вечность – так давно, что Вэл привыкла оставаться незаметной, «нормальной», той, кто оттеняет остроумные фразочки, а не бросает их. Ей нравилась эта роль: она давала чувство уверенности. Робин при Бэтмене-Рут. Чубакка при ее Хане Соло.

Вэл наклонилась, сбрасывая спортивные туфли, и увидела себя в зеркале, установленном в дверце шкафчика: пряди оранжевых волос, торчащие из-под зеленой банданы.

Рут красила волосы с пятого класса: сначала красками, которые можно было купить в супермаркете, потом – в безумные, прекрасные цвета вроде русалочье-зеленого и пуделино-розового. Вэл покрасила волосы всего один раз в золотисто-каштановый тон, немного темнее и ярче, чем ее собственный, но все равно мать наказала Вэл, запретив гулять. Тогда мать наказывала ее каждый раз, когда Вэл пыталась выглядеть взрослой. Маме не хотелось, чтобы Вэл покупала лифчики, носила короткие юбки и бегала на свидания, пока не перейдет в старшие классы. Но теперь девушка училась в выпускном классе, и мать вдруг начала засыпать ее косметикой и советами насчет свиданий. Вэл растерялась: она привыкла стягивать волосы банданами, носить джинсы и футболки и не хотела меняться.

– Я собрала кое-какую статистику для проекта и начала подбирать имена нашему младенчику из теста. Я подумала: может, ты зайдешь сегодня к вечеру, чтобы мы им занялись.

Рут сняла с плеча огромную почтальонскую сумку. Передний клапан был измазан краской и усеян значками и наклейками: розовый треугольник, края которого начали отрываться, значок с надписью «Все еще не король», значок поменьше, объявлявший: «Некоторые вещи существуют, даже если вы в них не верите» и еще дюжина других.

¹ Перевод Н. Демуровой.

– Не смогу, – сказала Вэл. – После тренировки мы с Томом идем на хоккейный матч в городе.

– Ты еще надеешься сделать из него настоящего парня, – сказала Рут, накручивая на палец одну из пурпурных косичек.

Вэл нахмурилась. Она не могла не заметить, каким резким становился голос Рут, когда та говорила про Тома.

– Ты думаешь, ему не хочется идти? – спросила Вэл. – Он что-то сказал?

Рут покачала головой и еще раз быстро затянулась сигаретой.

– Нет-нет. Ничего такого.

– Я думала, мы могли бы потом пойти в Виллидж, если будет время. Обойдем вокруг Святого Марка.

Всего за два месяца до этого, на городской ярмарке, Том встал на колени, языком смочил ей поясницу и нанес переводную картинку – тату, прижав листок к коже. А теперь ей едва удавалось заинтересовать его сексом.

– Город ночью. Романтично.

По тому, каким тоном Рут это проговорила, Вэл поняла, что подруга имеет в виду прямо противоположное.

– В чем дело? Что происходит?

– Ничего, – ответила Рут и начала обмахиваться ладошкой. – Я просто думаю о чем-то другом, типа сколько полуголых девиц собрались вместе!

Вэл кивнула, пытаясь ей поверить.

– Ты заглянула в регистрационные списки чатов, про которые я тебе говорила? Нашла тот, в котором я отправила тебе статистику для нашего проекта насчет чисто женских семей?

– Не успела. Я завтра ее найду, ладно? – Вэл снова закатила глаза. – Мать сидит в Интернете круглые сутки. У нее появился новый виртуальный поклонник.

Рут притворилась, что ее тошнит.

– В чем дело? – спросила Вэл. – А мне казалось, ты сторонница любви онлайн. Разве не ты говорила, что это любовь разума? Истинно духовный союз, не обремененный плотью?

– Надеюсь, я такого не говорила! – Рут прижала руку ко лбу, откинувшись назад в картинном обмороке. А потом она вдруг напряглась и резко села. – Эй, ты опять стянула хвост простой резинкой? У тебя волосы посекутся. Двигайся сюда. Кажется, у меня есть щетка и лента.

Вэл села верхом на скамейку впереди Рут, чтобы та смогла снять резинку.

– Ой! Ты только хуже делаешь!

– А разве вам, спортсменкам, не положено быть мужественными?

Рут расчесала Вэл волосы и продела их в матерчатое кольцо, стянув так крепко, что Вэл услышала, как лопаются тонкие волоски у нее на затылке.

Дженнифер подошла к ним и оперлась на свою клюшку для лакросса².

С этой некрасивой крупной девицей Вэл училась с детского сада. Джен всегда казалась неестественно чистой, начиная с блестящих волос и кончая ослепительно белыми гольфами и отглаженными шортами. А еще она была капитаном их команды.

– Эй, лесбо, вали отсюда.

– Боишься заразиться? – ласково поинтересовалась Рут.

– Гребь отсюда, Джен, – отозвалась Вэл не так остроумно и с опозданием на секунду.

– Здесь курить не положено, – сказала Джен, но смотрела при этом на треники Вэл.

² Лакросс – командная игра, в которой две команды стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, пользуясь ногами и снарядами, представляющим собой нечто среднее между клюшкой и ракеткой

Том нарисовал несмываемым маркером химеру на одной штанине. На второй были в основном девизы и всякая всячина, которые Вэл написала разноцветными фломастерами. Наверное, Джен считала этот костюм неподходящим для тренировок.

– Ладно. Мне все равно пора. – Рут затушила сигарету о скамейку, сделав в дереве лунку. – Пока, Вэл. Пока, развратная тихоня.

– Что с тобой? – мягко спросила Дженнифер, словно ей на самом деле хотелось, чтобы Вэл была ее подругой. – Почему ты с ней общаешься? Неужели ты не видишь, что она с прибабахом?

Вэл уставилась на нее, домысливая то, чего Джен не произнесла вслух: «Ты тоже лесбиянка? Ты меня хочешь? Мы тебя долго в команде терпеть не будем, если ты не подтянешься».

Если бы жизнь была видеоигрой, Вэл пустила бы в ход свой силовой прием, чтобы подбросить Джен в воздух и размазать по стенке двумя ударами клюшки для лакросса. Но, конечно, если бы жизнь действительно была видеоигрой, Вэл, наверное, пришлось бы это делать в бикини и с гигантскими сиськами, составленными из подвижных многогранников.

В реальной жизни Вэл покусала губу и пожалела плечами, но руки у нее сжались в кулаки. После вступления в команду она уже участвовала в двух драках и третью позволить себе не могла.

– В чем дело? За тебя всегда говорит подруга?

Вэл ударила Джен кулаком в лицо.

Чувствуя боль в сбитых костяшках пальцев, Валери бросила рюкзак и клюшку для лакросса на заваленный вещами пол своей спальни. Покопавшись в вещах, она выхватила трусы и спортивный лифчик, который делал ее грудь еще более плоской, чем обычно. Потом, выбрав из груды одежды черные брюки и зеленый спортивный свитер с капюшоном, она прошагала обратно в коридор. Рифленые подошвы ступали по книжкам сказок, давно оставшимся без обложек, и оставляли грязные следы на разноцветных коробочках видеоигр. Девушка услышала, как под пятками захрустел пластик, и попыталась отшвырнуть хоть часть на безопасное расстояние.

В ванной, дверь которой выходила в коридор, Вэл содрала с себя форму. Проведя мочалкой под мышками, она нанесла новый слой дезодоранта, потрогала сбитую кожу на руках и начала одеваться.

«Это был твой последний шанс», – сказал тренер.

Она прождала сорок пять минут у него в кабинете, пока остальные тренировались, но как только он вошел, еще до того, как он открыл рот, ей стало понятно, что он скажет: «Мы не можем оставить тебя в команде. Ты нарушаешь атмосферу товарищества. Нам надо быть единым отрядом с одной целью: побеждать. Ты ведь понимаешь, правда?»

В дверь стукнули всего раз – и тут же ее открыли. Ее мать стояла в дверях, не снимая идеально ухоженной руки с дверной ручки.

– Что ты сделала с лицом?

Вэл втянула разбитую губу в рот, а потом посмотрелась в зеркало. Она совсем про нее забыла.

– Ничего. Просто ударилась на тренировке.

– Ты ужасно выглядишь.

Ее мать протиснулась внутрь, встряхивая недавно мелированными стриженными волосами, и они обе отразились в зеркале. Каждый раз, когда мать ходила в парикмахерскую, ей усиливали мелирование, так что темно-русые волосы терялись в светлых прядях.

– Блин, вот спасибо! – фыркнула Вэл, почти не обидевшись. – Я опаздываю. Опаздываю, опаздываю, опаздываю. Как белый кролик.

– Постой.

Мать повернулась и вышла из ванной. Взгляд Вэл последовал за ней по коридору до полосатых обоев и семейных фотографий: мать – вице-королева красоты, Валери в брекетах рядом с матерью на диване, бабушка и дедушка перед своим ресторанчиком, снова Валери, на этот раз со сводной сестрой на руках в доме отца – улыбки на их застывших лицах выглядели мультяшными, открытые зубы казались слишком белыми.

Спустя несколько минут мать вернулась с косметичкой в черно-белую полоску.

– Не шевелись.

Валери нахмурилась, продолжая зашнуровывать свои любимые зеленые кроссовки.

– Мне некогда. Том вот-вот придет.

Она забыла надеть часы, поэтому отогнула манжет маминой блузки и посмотрела на циферблат. Том уже сильно опаздывал.

– Том сможет сам себе открыть.

Мать Валери окунула палец в какой-то густой бежевый крем и начала легонько похлопывать им под глазами Вэл.

– Ссадина у меня на губе, – проворчала Вэл.

Она не любила макияж. Стоило ей засмеяться, у нее начинали слезиться глаза, и краска текла, как будто она плакала.

– Тебе не мешало бы немного подкраситься. В Нью-Йорке принято хорошо выглядеть.

– Ма, мы идем на хоккейный матч, а не на оперу.

Мать привычно вздохнула, как бы говоря, что со временем Вэл поймет, как сильно заблуждалась. Она нанесла на лицо Вэл тональную пудру, а поверх нее – бесцветную. Потом чуть подкрасила тенями веки. Вэл вспомнила школьный вечер прошлой весной и понадеялась, что мать не станет вновь превращать ее в сверкающую блестками куклу. В довершение всего губ Вэл коснулась помада. Ранка тут же заболела.

– Все? – спросила Вэл, когда мать взялась за тушь для ресниц.

Скосив глаза на материнские часы, она поняла, что до поезда осталось примерно пятнадцать минут.

– Черт! Мне пора. Куда он пропал?

– Ты же знаешь Тома, – ответила мать.

– Что ты имеешь в виду?

Она не понимала, зачем матери нужно делать вид, будто она знает ее друзей лучше, чем сама Вэл.

– Он же парень. – Мать покачала головой. – Безответственный.

Валери выудила из рюкзака мобильник и прокрутила телефонную книжку до его имени. Включился автоответчик. Она прервала связь, вернулась к себе в спальню и выглянула в окно, всматриваясь в даль, мимо ребят, скатывавшихся на скейтбордах с дощатого пандуса на соседнем дворе. Шумного автомобиля Тома она не увидела.

Вэл позвонила снова. И опять услышала автоответчик: «Это Том. Бела Лугоши умер, а я нет. Оставьте сообщение».

– Тебе не стоит так настойчиво ему звонить, – сказала мать, входя за ней в комнату. – Когда он снова включит телефон, то увидит, сколько звонков пропустил и кто звонил.

– Мне наплевать, что он увидит, – ответила Вэл, нажимая кнопки. – И вообще, это был последний раз.

Мать покачала головой и, растянувшись на кровати дочери, начала обводить себе губы коричневым карандашом. Она настолько хорошо знала форму своего рта, что даже не потрудилась взять зеркальце.

– Том, – сказала Валери в телефон, как только включился его автоответчик, – я ухажу на электричку. Не трудись за мной заезжать. Встретимся на платформе. Если я тебя не увижу, то сяду на поезд и найду тебя у стадиона.

Ее мать нахмурилась.

– Нехорошо тебе ехать в город одной.

– Если мы не сядем на этот поезд, то опоздаем на матч.

– Ну, хотя бы возьми помаду.

Мать порылась в косметичке и протянула ей футлярчик.

– И как это поможет моей безопасности? – проворчала Вэл, забрасывая рюкзак себе за спину.

Она продолжала сжимать телефон, и пластмасса нагрелась у нее в кулаке. Мать улыбнулась.

– Мне сегодня надо будет показывать дом. Ты ключи взяла?

– Конечно, – ответила Вэл и поцеловала мать в щеку, оставив на ней винно-красный отпечаток и ощутив запах духов и лака для волос. – Если Том появится, передашь ему, что я уже ушла. И скажи ему, что он задница.

Мать улыбнулась, но в выражении ее лица оставалась какая-то неловкость.

– Подожди, – сказала она. – Тебе *лучше* его подождать.

– Не могу, – ответила Вэл. – Я уже сказала ему, что ухожу.

С этими словами она сбежала по лестнице, выскочила из дома и быстро прошла по их маленькому дворику. До станции идти было недалеко, холодный воздух приятно бодрил. Хорошо было делать хоть что-то, а не просто ждать.

Асфальт на парковке при железнодорожной станции еще не просох после вчерашнего дождя, а хмурое небо обещало следующий. Пока Вэл шла через парковку, загорелись и зазвенели предупреждающие сигналы. Она вышла на платформу как раз в тот момент, когда поезд остановился, выпустив поток горячего вонючего воздуха.

Валери замешкалась. А что, если Том забыл свой мобильник и дожидается ее дома? Если она сейчас уедет, а он сядет на следующий поезд, они могут друг друга не найти. Оба билета были у нее. Она может оставить ему билет в кассе, но он не догадается туда обратиться. И даже если все пройдет нормально, Том все равно будет мрачный. Когда – и если – он наконец появится, то будет настроен только на ссору. Валери еще не знала, куда они пойдут, но надеялась, что им удастся найти какое-то место, где бы они могли немного побыть вдвоем.

Она пожевала кожу на большом пальце, аккуратно откусила заусенец, а потом потянула крошечную полоску кожи и оторвала ее. Это доставило ей странное удовольствие, несмотря на то, что на поверхности выступила капелька крови. Слизнув ее, Вэл почувствовала горьковатый привкус.

Двери поезда наконец захлопнулись, завершив ее сомнения. Валери посмотрела, как он отъезжает от станции, а потом медленно пошла домой. С облегчением и досадой она увидела, что машина Тома припаркована у дома рядом с «миатой» матери. Где он был? Она ускорила шаги, распахнула дверь и застыла на месте. Сетчатая створка выскользнула у нее из пальцев и с шумом захлопнулась. Сквозь сетку Валери увидела, что мать расположилась на белом диване, расстегнув накрахмаленную голубую блузку ниже линии лифчика. Том стоял на коленях на полу, у нее между ног, наклонив голову с ирокезом, чтобы ее поцеловать. Его пальцы с облупившимся черным лаком на ногтях возились с пуговицами ее блузки. Оба вздрогнули при хлопке двери и повернулись к ней. Губы у Тома были вымазаны помадой. Почему-то взгляд Вэл скользнул мимо них к засохшим ромашкам, которые Том подарил ей в честь их четырехмесячного юбилея. Они так и простояли несколько недель на тумбочке с телевизором. Мать велела выбросить их, но Вэл забыла. И теперь сквозь стекло вазы она видела стебли, концы которых были погружены в затхлую воду и покрылись плесенью.

Мать Валери сдавленно вскрикнула и неловко встала, запахивая блузку.

– Вот черт! – сказал Том, чуть не упав на бежевый ковер.

Вэл хотелось сказать что-то язвительное, что испепелило бы их на месте, но слова не приходили. Она повернулась и пошла прочь от дома.

– Валери! – позвала мать, и голос ее прозвучал скорее отчаянно, чем повелительно.

Оглянувшись, Валери увидела, что мать стоит в дверях, а Том темной тенью маячит позади нее. Валери побежала, чувствуя, как рюкзак шлепает ее по бедру. Она остановилась только у вокзала. Там она присела на корточки на тротуаре и принялась вырывать вялые сорняки, пока набирала номер Рут.

Рут взяла трубку. Голос ее звучал так, словно она только что смеялась:

– Алло?

– Это я, – сказала Валери.

Она ожидала, что ее голос будет дрожать, но он звучал ровно, бесстрастно.

– Эй, ты где? – спросила Рут.

Валери почувствовала, что глаза у нее защипало от слез, но слова по-прежнему звучали твердо.

– Я кое-что узнала про Тома и мою мать...

– Вот черт! – прервала ее Рут. Валери замолчала. От ужаса у нее отяжелели руки и ноги.

– Ты что-то знаешь? Ты знаешь, о чем я говорю?

– Я рада, что ты узнала, – ответила Рут так поспешно, что ее слова почти натыкались друг на друга. – Я хотела рассказать, но твоя мама умоляла, чтобы я этого не делала. Она заставила меня поклясться, что я не скажу.

– Она тебе об этом рассказала? – Вэл чувствовала себя совершенной идиоткой, но у нее никак не получалось поверить, что она правильно поняла сказанное. – Ты знала?

– Она ни о чем другом не могла говорить, когда узнала, что Том мне проговорился. – Рут рассмеялась, а потом неловко замолчала. – Не то чтобы это давно началось. Честно. Я сказала бы, но твоя мама пообещала, что сама это сделает. Я даже пригрозила, что расскажу, но она заявила, что будет все отрицать. Но я пыталась делать намеки.

– Какие намеки?

У Вэл вдруг закружилась голова. Она закрыла глаза.

– Ну, я ведь посоветовала тебе посмотреть регистрационные списки чатов, помнишь? Послушай, какая разница! Я просто рада, что она тебе сказала.

– Она мне не говорила.

Наступило долгое молчание. Валери слышала дыхание Рут.

– Пожалуйста, не злись на меня, – наконец произнесла Рут. – Я просто не могла тебе сказать. Не хотела я, чтобы это шло от меня.

Вэл отключила телефон. Она пнула ногой пустую бутылку, посмотрела, как она катится в лужу, а потом топнула по луже. Отражение девушки расплылось. Единственным, что осталось четко видно, был ее рот – красная полоса на бледном лице. Она потерла его рукой, но краска только размазалась.

Когда пришел следующий поезд, Валери села в него, протиснулась на растрескавшееся оранжевое сиденье и прижалась лбом к прохладному окну. Телефон зазвонил, но она отключила его, не посмотрев на экран. Когда Вэл снова повернулась к окну, то увидела отражение своей матери. Ей понадобилась секунда, чтобы понять: она смотрит на себя в макияже. Сгорая от ярости, девушка быстро прошла в туалет.

Помещение было грязным, но просторным, с липким резиновым полом и жесткими пластиковыми стенами. Вонь мочи смешивалась с запахом искусственных цветов. Лепешечки использованной жвачки украшали стены.

Валери села на крышку унитаза и заставила себя расслабиться, глубоко вдыхая гнилостный воздух. Ногти ее больно впились в мягкую плоть рук, и благодаря этому она овладела собой и почувствовала себя немного лучше.

Вэл удивила сила ее ярости. Гнев затопил ее так, что ей стало страшно, что она начнет орать на кондуктора и пассажиров поезда. Она не могла представить, как выдержит всю поездку, и уже чувствовала себя совершенно измученной усилиями, которые ей приходилось тратить, чтобы держать себя в руках.

Вэл потеряла лицо и посмотрела на свою дрожащую ладонь, испачканную винно-красной помадой. Затем она расстегнула рюкзак и высыпала его содержимое на грязный пол раскачивавшегося на ходу поезда.

Ее фотокамера со стуком вывалилась на пол вместе с парой кассет пленки, школьной книгой – «Гамлетом», которого ей следовало уже давно прочесть, парой завязок для волос, смятой пачкой жвачки и дорожным туалетным набором, подаренным матерью на прошлый день рождения. Неловкими пальцами Вэл открыла его: пинцет, маникюрные ножницы и бритва заблестели в тусклом свете. Валери вытащила ножницы и прикоснулась к узким острым концам. Она выпрямилась, посмотрела в зеркало и, схватив прядь волос, принялась резать.

Когда она закончила, пряди лежали вокруг ее кроссовок, словно медные змейки. Вэл провела рукой по обритой голове, скользкой от розового жидкого мыла и в то же время шершавой, как кошачий язычок. Девушка глядела на свое отражение, ставшее чужим и некрасивым, на немигающие глаза и губы, сжавшиеся в узкую линию. Секунду она даже не могла понять, о чем думает незнакомка в зеркале.

Бритва и маникюрные ножницы со звоном упали в раковину, когда поезд резко дернулся. Вода заплескалась в унитазе.

– Эй! – крикнул кто-то из-за двери. – Что там происходит?

– Минутку! – откликнулась Вэл.

Она сполоснула бритву под краном и засунула ее в рюкзак. Забросив его на плечо, она оторвала кусок туалетной бумаги, смочила в воде и присела на корточки, чтобы собрать волосы.

Когда Вэл выпрямилась, ее взгляд снова упал на зеркало. На этот раз оттуда на нее смотрел молодой человек с такими нежными чертами лица, что ей показалось: он не сможет постоять за себя. Вэл моргнула, открыла дверь и вышла в коридор вагона.

Она вернулась на свое место, чувствуя, что пассажиры поспешно отворачиваются от нее. Уставившись в окно, Вэл видела, как мимо проносятся пригородные лужайки. А потом поезд заехал в туннель, и в окне осталось только ее новое, непривычное отражение.

Поезд остановился у подземной платформы, и Валери вышла, вдохнув едкий дым выхлопа. Она поднялась по узкому неработающему эскалатору, протискиваясь между людьми. Станция «Пени» была заполнена пассажирами, которые спешили, не глядя друг на друга, и лотками, где продавались брелки и кулоны, шарфы и волоконно-оптические цветы, переливавшиеся разными оттенками. Валери двигалась вдоль стены, миновав грязного нищего, спавшего под газетным листом, и группу девочек с рюкзаками, кричавших друг на друга по-немецки.

Ярость, которую она испытывала в поезде, исчезла, и Вэл шла по станции, словно лунатик.

Чтобы попасть к Мэдисон-сквер-гарден, надо было подняться по еще одному эскалатору и пройти мимо вереницы такси и киосков, торговавших засахаренным арахисом и сосисками. Мужчина вручил ей какую-то листовку. Она попыталась ее вернуть, но он уже прошел дальше, и у Вэл остался листок бумаги, обещающий «живых девиц». Она смяла его и засунула в карман.

Девушка протолкалась по узкому коридору, забитому людьми, и остановилась у билетной кассы. Молодой пареньек за стеклом поднял голову, когда она просунула в окошко билет Тома. Вид у него был удивленный. Она решила, что ее бритая голова произвела сильное впечатление.

– Вы можете вернуть мне за него деньги? – спросила Валери.

– У вас уже есть билет? – уточнил он, щурясь, словно пытаясь сообразить, какую хитрость она задумала.

– Угу, – ответила она, – мой бывший парень, придурок такой, не смог пойти. На лице кассира отразилось понимание, и он кивнул.

– Вас понял. Послушайте, я не могу вернуть вам деньги, потому что игра уже началась. Но если вы дадите мне оба, я найду вам место получше.

– Валяйте, – сказала Вэл и улыбнулась впервые за всю поездку.

Том уже отдал ей деньги за свой билет, и она обрадовалась возможности хоть немного отомстить ему таким образом.

Кассир передал Валери другой билет, и она прошла через турникет, проталкиваясь сквозь толпу. Люди с красными лицами переругивались. В воздухе пахло пивом.

Девушке хотелось посмотреть эту игру – ей очень нравилось, как хоккеисты, словно неведомые, легко двигались на льду, балансируя на острых лезвиях. После этого лакросс казался неуклюжим: просто толпа людей, топчущих траву. Но, направляясь от входа в сторону своего места, Вэл почувствовала, как ее желудок свело от ужаса. У «Рейнджерз» выдался отличный сезон, и игра была важна для всех зрителей, как раньше и для нее, но теперь Вэл просто убивала время, пока не придется возвращаться домой.

Она нашла проход и стала пробираться внутрь. Большинство мест уже были заняты, так что ей пришлось протискиваться мимо группы краснолицых парней. Они вытягивали шеи, чтобы смотреть мимо нее, сквозь стеклянный барьер на поле, где уже начался матч. На стадионе пахло холодом, как после снегопада. Но даже в моменты, когда ее команда неслась к воротам, мысли Вэл возвращались к матери и Тому. Ей не следовало уходить вот так. Вэл жалела, что не может проиграть все снова. Она даже не стала бы обращать внимание на мать, а просто дала бы Тому в морду. А потом, глядя на него, она бы сказала: «От нее я такого ожидала, но о тебе имела лучшее мнение». Это было бы идеально.

Или, может, ей стоило расколотить окна машины Тома. Но вообще-то машина у него и так была просто грудой металлолома, так что, наверное, не стоило.

Вэл могла бы пойти к Тому домой и рассказать родителям про мешочек с травкой, который он прятал под пружинный матрас. С учетом этого и истории с ее матерью родственники, наверное, отправили бы его в какое-нибудь исправительное заведение для выродков – наркоманов, которые трахают чужих мам.

Что касается матери, то наилучшей мстью Вэл было бы позвонить отцу, подключить к громкой связи мачеху, Линду, и все им рассказать. Второй брак отца Вэл можно было бы назвать идеальным: они жили в уютном доме и воспитывали двоих очаровательных слюнтявых малышей. Вэл было противно общаться с ними. Но если бы она им все рассказала, эта история стала бы их собственностью. Они рассказывали бы ее всюду, где им вздумается, *упрекали*, бы мать Вэл при каждой ссоре, сообщили бы подробности своим приятелям по гольфу. А пока эта история принадлежала Вэл, она собиралась сама ею распоряжаться.

Зрители взревели. Вокруг Вэл люди вскакивали с мест. Один из рейнджеров бросил кого-то из противников на лед и начал срывать с себя перчатки. Арбитр схватил рейнджера, и конек того, скользнув, разрезал щеку другого игрока. Когда их увели, девушка уставилась на кровь на льду. Рабочий в белой форме пришел и соскреб ее, а во время перерыва машина выровняла лед, но красное пятно осталось, словно кровь впиталась глубоко и ее уже невозможно было удалить. Даже когда ее команда забила последний победный гол и все вокруг стремительно встали, Вэл так и не смогла оторвать взгляд от пятна.

После матча Валери вышла с толпой на улицу. Железнодорожная станция находилась в нескольких шагах, но она не могла даже думать о возвращении. Девушке хотелось оттянуть его, пока она не разберется во всем и не обдумает ситуацию. При одной мысли о том, чтобы сесть на обратный поезд, Вэл охватила тошнотворная паника, сердце отчаянно забилося, а желудок свело спазмом.

Вэл побрела куда-то наугад и спустя некоторое время заметила, что цифры на вывесках с номерами домов стали совсем маленькими, здания – очень старыми, улицы сузились и машин почти не видно. Повернув налево – как ей показалось, в сторону Уэст-Виллидж, – Вэл прошла мимо закрытого магазина одежды и рядов припаркованных машин. Она не знала, сколько было времени, но дело шло к полуночи.

Девушка мысленно снова и снова расшифровывала взгляды, которыми обменивались Том и ее мать: теперь выражение их глаз имело значение, несло подсказки, которые ей следовало бы заметить. Она вспомнила странное сочетание вины и честности на лице матери, когда та советовала подождать Тома. При этой мысли Вэл вздрогнула, словно ее тело пыталось сбросить с себя тяжкую ношу.

Она остановилась и купила кусок пиццы в сонном магазинчике, где у дальней стены сидела женщина с тележкой, заполненной бутылками, потягивала «Спрайт» через трубочку и тихо напевала. Горячий сыр обжег Вэл нёбо, а когда она взглянула на часы, то поняла, что пропустила последний поезд домой.

Глава 2

*Отчаянно бьется о сетку слепой мотылек,
В безнадежном полете пытаюсь
Все отдать за пьянящего света глоток.*
К. Дж. Кеннеди. «Уличные мотыльки»

Валери дремала на холодных плитках пола под картой подземки, положив голову на рюкзак. Она выбрала место для сна у кассы, решив, что ее никто не ограбит и не ударит ножом при людях.

Почти всю ночь Вэл провела в смутном состоянии между сном и бодрствованием, то на секунду отключаясь, то резко просыпаясь. Порой она выныривала из сна, не соображая, где находится. На станции стоял запах гниющего мусора и плесени. Лепной бордюр из перевитых тюльпанов над растрескавшейся краской напоминал о другой станции, «Спринт-стрит», – старой и великолепной. Проваливаясь обратно в сон, Вэл попыталась представить себе эту станцию.

Самым странным было то, что девушка не боялась. Она чувствовала отстраненность от происходящего, словно лунатик, шагнувший с тропы нормальной жизни в лес, где может случиться все, что угодно. Ее гнев и обида остыли, превратившись в летаргию, которая свинцом залила руки и ноги.

Когда она в следующий раз с трудом разлепила глаза, над ней стояли люди. Она села, запуская пальцы одной руки в рюкзак, а другую подняв, словно защищаясь от удара. На нее смотрели два полисмена.

– С добрым утром, – сказал один из них. У него были короткие седые волосы и кирпично-красное лицо, будто он слишком долго стоял на ветру.

– Угу.

Вэл ладонью стерла остатки сна с уголков глаз. У нее болела голова.

– Довольно дерьмовое место для отдыха, – сказал полисмен.

Пассажиры шли мимо, но почти никто не смотрел в ее сторону. Вэл прищурила глаза:

– И?

– Сколько тебе лет? – спросил его напарник.

Он был моложе, стройный, с темными глазами, и от него пахло табаком.

– Девятнадцать, – соврала Вэл.

– Документы есть?

– Нет, – ответила Вэл, надеясь, что они не станут обыскивать ее рюкзак.

У нее было разрешение на вождение автомобиля вместо водительских прав, потому что она завалила экзамен по вождению, а эта карточка подтверждала, что ей всего семнадцать.

Он вздохнул.

– Здесь спать нельзя. Хочешь, отвезем тебя туда, где ты сможешь немного отдохнуть?

Вэл встала, забрасывая рюкзак себе на плечо.

– У меня все нормально. Я просто дожидаюсь утра.

– Куда ты собралась? – спросил полисмен постарше, загораживая ей дорогу.

– Домой, – ответила Вэл, потому что ей показалось, что это прозвучит прилично.

Она поднырнула ему под руку и бросилась вверх по лестнице на Кросби-стрит. С колотящимся сердцем девушка поспешно проталкивалась сквозь толпу сонных людей, торопившихся на работу со своими рюкзаками и портфелями. Она бежала мимо рассыльных на мотоциклах и вереницы такси, через потоки пара, вырывавшегося из вентиляционных решеток. Наконец

Вэл остановилась и оглянулась, но оказалось, что ее никто не преследовал. Перейдя улицу на Бликер-стрит, она увидела двух панков, рисовавших на тротуаре мелом. У одного был радужный ирокез, чуть примятый сверху. Вэл осторожно обошла их рисунок и двинулась дальше.

Для Вэл Нью-Йорк всегда был местом, где мать крепко держала ее за руку. Она с детства запомнила сверкающие громады застекленных небоскребов, горячие чашки с лапшой быстрого приготовления, очереди на трамвай недалеко от театра. В этом театре давали утренние представления «Отверженных» для изучающих французский школьников, которых привозили из пригородов на автобусах. Но сейчас, когда Вэл вышла на Макдугал, Нью-Йорк показался ей совсем другим по сравнению с ее прежним представлением. Она проходила мимо ресторанчиков, которые уже начинали приниматься за работу за закрытыми дверями, мимо ограды из цепей, украшенных дюжиной с лишним замков, на каждом из которых была переводная картинка в виде детского личика, мимо магазина, где продавались только игрушки с дистанционным управлением. Маленькие, интересные места, говорившие о громадности города и странности его обитателей.

Она нырнула в тускло освещенную кофейню под названием «Дьявольское кафе». Внутри стены оказались оклеены красным бархатом. У прилавка стоял деревянный дьявол и держал серебряный поднос, прибитый к его руке. Вэл купила большую порцию кофе с корицей, сахаром и сливками. Горячую чашку было приятно держать в холодных пальцах, и она сразу заметила, как у нее одеревенели руки и ноги и свело спину. Девушка потянулась, выгибая спину и поворачивая шею, пока не услышала, как внутри у нее что-то щелкнуло.

Вэл направилась в дальнюю часть кофейни и заняла вытертое кресло у столика, где шептались парень с крошечными дредами и девушка со свалывшимися блекло-голубыми волосами и в белых сапогах до колена. Парень один за другим разрывал пакетики с сахаром, высыпая их содержимое себе в чашку.

Девушка немного передвинулась, и Вэл заметила, что на коленях она держит рыжего котенка. Он вытянул лапку и ударил по язычку молнии на пятнистой шубке из кроличьего меха, надетой на девушке.

Вэл невольно улыбнулась. Девушка поймала ее взгляд, ответно ухмыльнулась и посадила котенка на стол. Тот жалобно мяукнул, понюхал воздух и пошатнулся.

– Постой, – сказала Вэл.

Сняв крышечку со своего кофе, она прошла к прилавку, налила в нее сливок и поставила перед котенком.

– Гениально! – сказала голубоволосая. Вэл заметила, что у нее воспалился прокол в носу: кожа вокруг блестящего камушка набухла и покраснела.

– Как его зовут? – спросила Вэл.

– Пока никак. Мы как раз это обсуждали. Если у тебя есть идеи, подскажи. Дэйв считает, что нам не надо заводить котенка.

Вэл отпила кофе. Ей ничего не приходило в голову. Казалось, что у нее отекли мозги и давят на череп. Она так устала, что перед глазами у нее все расплывалось, когда она моргала.

– А откуда он? Бездомный?

Девушка открыла рот, но парень положил руку ей на плечо:

– Лолли!

Он предупреждающе сжал пальцы, и они обменялись пристальными взглядами.

– Я его украла, – заявила Лолли.

– Зачем ты рассказываешь людям? – спросил Дэйв.

– Я все людям рассказываю. Люди верят только тому, что могут осилить. Так я узнаю, кому можно доверять.

– Вы стащили его из магазина? – спросила Вэл, разглядывая крошечное тельце котенка и изогнутый розовый язычок.

Лолли покачала головой, явно гордясь собой:

– Я бросила камень в витрину. Ночью.

– Почему?

Вэл легко перешла на роль благодарного слушателя, поддакивая, как она это делала с Рут или Томом, и задавая вопросы, которые собеседник хотел бы услышать. Но на этот раз под знакомой привычкой скрывалась искренняя заинтересованность. Лолли ни на кого не была похожа. Она казалась именно такой, какой хотелось быть Рут со всем ее позерством.

– Женщина, которой принадлежит зоомагазин, курила. Прямо в магазине. Можешь себе представить? Такой нельзя доверять животных.

– Ты сама куришь, – покачал головой Дэйв.

– У меня нет зоомагазина, – отозвалась Лолли и повернулась к Вэл. – Голова у тебя круто смотрится. Можно мне потрогать?

Вэл пожала плечами и наклонила голову. Ощущение было странным – не неприятным, а просто необычным, как если бы кто-то гладил ей подошвы ног.

– Я – Леденчик, – сказала девица. Она повернулась к пареньку с дредами.

Он был худой и хорошенький, с азиатским разрезом глаз.

– А это Хилятик Дэйв.

– Просто Дэйв, – отозвался парень.

– А я – просто Вэл, – представилась Вэл, выпрямляясь.

Было облегчением беседовать с кем-то после долгих часов молчания. И еще легче было говорить с людьми, которые ничего не знали о ней, Томе, ее матери или ее прошлом.

– Не краткая форма от Валентины? – спросила Лолли, продолжая улыбаться.

Вэл не могла понять, дразнит ее эта девица или нет, но если уж ее звали Лолли, то можно ли считать смешным имя Вэл? Она просто покачала головой.

Дэйв хмыкнул и разорвал очередной пакетик сахара, высыпав кристаллики на стол и распределив на длинные полоски, которые начал есть смоченным в кофе пальцем.

– Вы ходите в школу где-то рядом? – спросила Вэл.

– Мы больше не ходим в школу, но мы здесь живем. Мы живем там, где нам хочется.

Вэл сделала еще глоток кофе:

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего она не хочет сказать, – вмешался Дэйв. – А как насчет тебя?

– Я живу в Джерси. – Вэл посмотрела на молочно-серую жидкость у себя в чашке. На зубах хрустел сахар. – Наверное. Если я туда вернусь.

Она встала, чувствуя себя ужасно глупо и подозревая, что они над ней смеются.

– Сейчас приду.

Вэл пошла в туалет, умылась и прополоскала рот водой из-под крана. Когда она выплевывала воду, ясно увидела себя в зеркале: пятна веснушек вокруг рта и на щеках, включая одну прямо под левым глазом. Они походили на грязь, размазанную по неровному загару, который Вэл приобрела, занимаясь спортом на улице. Ее недавно побритая голова казалась странно бледной, а кожа вокруг голубых глаз покраснела и опухла. Когда девушка вернулась из туалета, Лолли и Дэйв исчезли.

Вэл допила кофе и решила подремать в кресле, но в кафе сталолюдно и шумно, и у нее еще сильнее заболела голова. Она вышла на улицу.

Гей-трансвестит в скособоченном пышном парике гнался за такси, держа в руке пластмассовую туфлю. Когда таксист набрал скорость, он швырнул туфлю с такой силой, что она ударила в заднее стекло.

– Гребаный козел! – заорал он, ковыляя за своей туфлей.

Вэл выбежала на мостовую, подобрала туфлю и вернула владельцу.

– Спасибо, котлеточка моя.

Вблизи Вэл заметила, что в его накладных ресницах блестят серебряные нити, а на скулах переливаются блестки.

– Из тебя выйдет чудесный принц. Славная прическа. Почему бы нам не притвориться, будто я – Золушка, чтобы ты мог надеть туфельку мне на ногу?

– Э-э... ладно, – ответила Вэл.

Она села на корточки и застегнула пластмассовый ремешок, пока трансвестит покачивался, пытаясь сохранить равновесие.

– Отлично, куколка.

Он поправил парик. Выпрямившись, Вэл увидела, как хохочет Хилятик Дэйв, сидевший на металлической ограде на другой стороне узкой улицы. Лолли вытянулась на краю синего покрывала, украшенного росписью. На нем были разложены книги, подсвечники и одежда. При солнечном свете голубые волосы Лолли сияли ярче неба. Котенок растянулся рядом с ней, лапкой гоняя по земле сигарету.

– Эй, отважный принц Вэлиант!

Дэйв окликнул ее так, словно они были давними друзьями. Лолли помахала рукой. Вэл сунула руки в карманы и перешла к ним.

– Присаживайся, – предложила Лолли. – Я решила, что мы тебя напугали.

– Куда-то идешь? – спросил Дэйв.

– Да нет, в общем-то.

Вэл села на холодный асфальт. Кофе наконец побегал у нее по жилам, и она почувствовала себя почти бодрой.

– А как насчет вас?

– Продаем всякое, что Дэйв набрал. Поболтайся с нами. Наберем денег, а потом погудим.

– Ладно.

Вэл не знала, хочется ли ей гудеть, но была не прочь немного посидеть на тротуаре. Она взялась за рукав красной бархатной куртки:

– А откуда все эти вещи?

– В основном выуживаем из мусорных контейнеров, – ответил Дэйв без улыбки. – Просто удивительно, сколько люди готовы платить за то, что сами выбросили.

Вэл постаралась скрыть изумление. Ей хотелось показаться крутой и уверенной в себе.

– Могу поверить, – сказала Вэл. – Я как раз думала, какая славная куртка.

Похоже, ответ был правильный: Дэйв широко ухмыльнулся, показав обломанный передний зуб.

– А ты нормальная, – сказал он. – Так что ты говорила насчет того, что не вернешься? О чем это ты? Ты на улице?

Вэл похлопала рукой по асфальту.

– Сейчас – да.

Они оба рассмеялись. Пока Вэл сидела рядом с ними, мимо проходили люди, но видели только девочку в грязных джинсах и с бритой головой. Любой ученик ее школы мог бы пройти мимо, Том мог бы остановиться купить галстук, мать могла бы споткнуться на выбоине в тротуаре – и никто из них не узнал бы ее.

Размышляя о своей жизни, Вэл поняла, что часто слишком доверяла другим, была слишком пассивной, видела в окружающих хорошее, а в себе – самое дурное. И все же она снова связалась с чужими людьми и позволила себе идти за ними. Но в том, что Вэл делала сейчас, появилось нечто новое, наполнявшее ее странной радостью. Это напоминало ощущения, которые испытываешь, когда стоишь на высотном здании, наклоняешься вперед и смотришь вниз и адреналин ударяет тебя. Это было остро, страшно и совершенно необычно.

Вэл провела день с Лолли и Дэйвом, сидя у стены и болтая ни о чем. Дэйв рассказал им про одного своего знакомого, который напился до того, что на спор съел таракана.

– Он сожрал одного из наших нью-йоркских тараканов, которые размером с золотую рыбку. Парень его кусает, но он торчит у него изо рта и все еще дергается. Он его жует, жует – и наконец глотает. И там мой брат, Луис, а он такой психованный гений, прочел всю энциклопедию, пока сидел дома с ветрянкой, и говорит: «А знаешь, тараканы откладывают яйца, даже когда уже умерли». Ну, этот тип ему не верил, но потом начал вопить, что мы его убиваем. Он хватался за живот и орал, что уже чувствует, как они едят его изнутри.

– Это гадко, – сказала Вэл, но при этом так хохотала, что у нее глаза заслезились. – Абсолютно гадко.

– Нет, а дальше еще лучше, – хихикнула Лолли.

– Ага, – подтвердил Хилытик Дэйв. – Потому что он заблевал себе ботинки. И таракан прямо там – пережеванный весь, но ясно видно куски большого черного жука. И вот что: одна нога дергалась.

Вэл завопила от отвращения и рассказала, как они с Рут попробовали курить котовник, решив, что забалдеют.

Когда они продали кошелек из поддельной крокодиловой кожи, две футболки и расшитый стеклярусом жакет, Дэйв купил им всем хот-доги, густо приправленные тушеной кислой капустой, острым соусом и горчицей.

– Пошли. Надо отпраздновать то, что мы вас нашли! – заявила Лолли, вскакивая на ноги. – Тебя и котенка.

Продолжая жевать, Лолли потрусилась по улице. Они прошли несколько кварталов, следуя за Лолли, пока не увидели старика, сворачивавшего самокрутки на ступеньках жилого дома. Рядом с ним стоял грязный пакет, набитый другими пакетами. Руки у него были тощими, как пруты, а лицо морщинистое, как изюмина, но он поцеловал Лолли в щеку и очень вежливо поздоровался с Вэл. Лолли дала ему пару сигарет и смятую пачку купюр, и он встал и пошел через улицу.

– Что с ним такое? – шепотом спросила Вэл у Дэйва. – Почему он такой худой?

– Просто из-за крэка, – ответил Дэйв. Через несколько минут старик вернулся с бутылкой шерри-бренди в коричневом бумажном пакете.

Дэйв выудил из своей сумки почти пустую бутылку колы и наполнил ее спиртным.

– Чтобы копы к нам не цеплялись, – объяснил он. – Ненавижу копов.

Вэл отхлебнула из бутылки и почувствовала, как алкоголь обжег ей горло. Передавая бутылку друг другу, они пошли по Третьей западной улице. Лолли остановилась перед лотком, на котором были выставлены сережки из бусин, нацепленные на пластмассовые подставки и звеневшие каждый раз, когда мимо проезжала машина. Она потрогала браслет из крошечных серебряных колокольчиков. Вэл прошла к следующему лотку, где лежали благовония, образцы которых дымились на подносе из раковины морского гребешка.

– Что у нас тут? – спросил мужчина из-за прилавка.

У него была кожа цвета полированного красного дерева, глаза темные и блестящие, как у ящерицы, и пахло от него сандалом. Вэл неопределенно улыбнулась и повернулась к Лолли.

– Скажи своим друзьям, чтобы они осторожнее выбирали, кому служить. О неудовольствии покупателя первыми узнают посыльные.

– Ясно, – ответила Вэл, отходя от прилавка.

Лолли подбежала к ней, позвякивая колокольчиками на запястье. Дэйв пытался заставить котенка лакать бренди из крышечки от бутылки.

– Тот тип, серьезно, странный, – сказала Вэл.

Когда она скосила глаза, то на секунду ей показалось, что у продавца благовоний из спины торчат длинные иглы, словно у дикобраза.

Вэл протянула руку за бутылкой.

Они бесцельно бродили по городу, пока не вышли к треугольному островку асфальта, на котором стояли скамейки – наверное, чтобы служащие ели здесь в теплую погоду свой ленч, вдыхая влажный воздух и выхлопные газы. Они уселись на одну из них, отпустив котенка исследовать расплюснутый трупик голубя. Там они долго передавали бутылку друг другу, и под конец у Вэл онемел язык, закололо зубы, а голова начала кружиться.

– Ты веришь в привидения? – спросила Лолли.

Вэл на секунду задумалась над этим.

– Наверное, хотела бы.

– А как насчет всякого другого?

Лолли замяукала и пошевелила пальцами, чтобы приманить котенка. Тот не обратил на это никакого внимания. Вэл рассмеялась:

– Чего другого? То есть я не верю в вампиров, оборотней, зомби и прочие вещи.

– А как насчет фейри?

– Фейри типа...

Дэйв хихикнул:

– Типа чудовищ.

– Нет, – ответила Вэл, качая головой. – Не думаю.

– Хочешь узнать тайну? – спросила Лолли.

Вэл придвинулась ближе и кивнула. Конечно, она хотела узнать тайну.

– Мы знаем, где есть туннель, в котором живет чудовище, – полушепотом сообщила Лолли. – Фейри. Мы знаем, где живут фейри.

– Что?

Вэл решила, что плохо расслышала Лолли.

– Лолли! – предостерегающе проговорил Дэйв, но язык у него заплетался. – Заткнись! Луис расвирепел бы, если бы услышал.

– Ты не имеешь права диктовать мне, что говорить, – тряхнула волосами Лолли и обхватила себя руками, впившись ногтями в кожу. – И вообще – кто ей поверит? Могу спорить, что она и мне-то не поверила!

– Ребята, вы это серьезно? – спросила Вэл.

Она так опьянела, что почти готова была этому поверить. Вэл попыталась вспомнить волшебные сказки, которые собирала с раннего детства и любила перечитывать. Там редко фигурировали фейри или по крайней мере те существа, которых она привыкла считать фейри. В сказках говорилось о волшебницах-крестных, ограх, троллях и маленьких человечках, которые заключали сделки с маленькими детьми, предлагая им свою службу, а потом злобствовали из-за того, что их настоящее имя стало известно. Вэл вспомнила фейри из видеоигр, но там были эльфы, а она точно не знала, относятся ли эльфы к фейри.

– Расскажи ей, – велела Лолли Дэйву.

– А с чего это ты вдруг раскомандовалась? – спросил Дэйв, но Лолли только ударила его кулачком в плечо и засмеялась.

– Ладно. Ладно, – кивнул Дэйв. – Мы с братом как-то занимались городскими исследованиями. Знаешь, что это такое?

– Пролезали в те места, куда ходить не положено, – ответила Вэл. – В основном в старые помещения, так? Вроде заброшенных зданий?

У нее был двоюродный брат, который забирался во всякие странные нью-йоркские уголки, а потом вывешивал их фотографии на своем веб-сайте.

– Ага. В этом городе множество всякого, что большинство людей просто не могут видеть, – сказал Дэйв.

– Точно, – согласилась Вэл. – Белые аллигаторы. Люди-кроты. Анаконды.

Лолли встала и унесла котенка с того места, где он царапал когтями мертвую птицу. Она посадила его себе на колени и начала энергично гладить.

– Я так и думала, что ты не струсишь.

– А почему вы знаете такие вещи, которые больше никто не знает? – спросила Вэл, стараясь оставаться вежливой.

– Потому что Луис – ясновидящий, – ответила Лолли. – Он их может видеть.

– А ты их можешь видеть? – спросила Вэл у Дэйва.

– Только когда они мне позволяют, – ответил он и долгим взглядом посмотрел на Лолли. – Я околел.

– Пошли обратно к нам, – предложила Лолли, поворачиваясь к Вэл.

– Луису это не понравится.

Дэйв двинул ботинком, словно давил насекомое.

– Нам она нравится. Это главное.

– Куда? – спросила Вэл.

Ее била дрожь. Хотя ей стало тепло от спиртного, дыхание у нее собиралось облачком, а руки то были ледяными на воздухе, то горячими, когда она засовывала их под рубашку и прижимала к телу.

– Увидишь, – ответила Лолли.

Они прошли еще немного, а потом спустились на станцию метро. Леденчик прошла через турникет, проведя своей карточкой, а потом передала ее через решетку Дэйву. Она посмотрела на Вэл:

– Идешь?

Вэл кивнула.

– Вставай передо мной, – велел Дэйв, выжидая.

Вэл прошла к турникету. Он провел карточкой, а потом протолкнул девушку через турникет, тесно прижавшись к ней. Его тело оказалось туго свитыми мышцами, и она почувствовала запах дыма и нестираной одежды. Вэл засмеялась и чуть пошатнулась.

– Я скажу тебе еще кое-что, чего ты не знаешь, – объявила Лолли, демонстрируя свои карточки. – Это метрокарты от зубочисток. Отламываешь от зубочистки маленькие кусочки и забиваешь их в машину. Люди платят, а карточек не получают. Это как ловушка для раков. Потом приходишь и смотришь, что попало.

– О! – только и сказала Вэл.

Голова у нее кружилась от бренди и растерянности. Она не могла понять, что правда, а что – нет.

Леденчик и Хилитик Дэйв прошли в дальний конец платформы, но вместо того, чтобы остановиться там и ждать поезда, Дэйв прыгнул в выемку, по которой шли рельсы метро. Кое-кто из пассажиров, ожидавших поезда, посмотрел в его сторону и тут же поспешно отвел взгляд, но большинство вообще ничего не заметили. Лолли неуклюже последовала за Дэйвом: села на край и позволила ему почти на руках опустить ее вниз. Она удерживала котенка, который теперь начал вырываться.

– Куда вы идете? – спросила Вэл, но они уже исчезали в темноте.

Спрыгивая следом за ними на усеянный мусором бетон, Вэл подумала, какое это безумие – идти за двумя незнакомыми людьми в глубину подземки, но вместо того, чтобы бояться, она радовалась. Теперь она сама будет принимать все решения, даже если они окажутся губительными. Это было таким же приятным чувством, как когда рвешь листок бумаги на крошечные кусочки.

– Следи, чтобы не дотронуться до третьего рельса, иначе поджаришься, – донесся голос Дэйва откуда-то из глубины туннеля.

Третий рельс? Она опасливо посмотрела вниз. Центральный. Наверняка это центральный.

– А что, если подъедет поезд? – спросила Вэл.

– Видишь эти ниши? – крикнула Лолли. – Просто забейся в одну из них.

Вэл оглянулась на бетонную платформу метро – слишком высокую, чтобы залезть обратно. Впереди простиралась темнота, усеянная крошечными лампочками, которые не давали настоящего света. Шуршащие звуки раздавались слишком близко, и Вэл даже показалось, что по ее ступне пробежали крошечные лапки. Она почувствовала панику, которую уже давно предвидела. Когда страх поглотил ее целиком, Вэл остановилась, оцепенев и потеряв способность двигаться.

– Пошли! – донесся из темноты голос Лолли. – Не отставай.

Вэл услышала вдали шум поезда, но не смогла понять, далеко ли он и по какому туннелю идет. Она побежала догонять Лолли и Дэйва. Вэл никогда не боялась темноты, но тут все было по-другому. Здешняя темнота казалась живым хищным существом, дышащим и изрыгающим смрад в окружающие ее туннели.

Запах грязи и влаги был удушающим. Вэл напрягала слух, стараясь уловить шаги своих новых знакомых. Она не спускала глаз с огней, словно это была дорожка из хлебных крошек, выводящая из опасности.

Поезд пронесся по второй линии рельсов. Внезапный свет и яростный шум ошеломили Вэл. Девушка ощутила толчок воздуха, словно все в туннелях притягивалось к нему. Если бы поезд шел по ее стороне, она не успела бы отскочить в нишу.

– Сюда.

Голос прозвучал неожиданно близко. Вэл даже не смогла определить, кому он принадлежал: Лолли или Дэйву.

Девушка поняла, что стоит рядом с платформой, похожей на ту станцию, откуда они ушли, только здесь плиточные стены были покрыты граффити. На платформе валялись матрасы, кучами лежали одеяла, диванные подушки и пуфы, по большей части разных оттенков горчично-желтого цвета. Огарки свечей давали тусклый мерцающий свет: некоторые были забиты в щербатые рты пивных банок, другие – в высокие стеклянные банки с лицом Девы Марии на этикетке. Парень с заплетенными в косу густыми волосами сидел рядом с японской жаровней, установленной в дальнем углу платформы. Один его глаз закрывало бельмо – белесое и странное пятно, темную кожу морщил стальной пирсинг. В ушах у него висели яркие серьги, некоторые из них были толстыми, как червяки. Из обеих щек торчали стержни, словно для того, чтобы подчеркнуть линию скул. Одна ноздря была проколота, а в нижнюю губу было вдето кольцо. Когда он встал, Вэл увидела, что на нем надеты дутая черная куртка и мешковатые рваные джинсы. Хилитик Дэйв начал подниматься по самодельной лестнице, сбитой из деревянных реек.

Вэл повернулась, оглядываясь по сторонам. Одна стена была расписана аэрозольной краской, и надпись на ней гласила: «На веки не вечные».

– Ее впечатлило! – сказала Лолли.

Ее голос эхом отразился от стен туннеля.

Дэйв хмыкнул и пошел к огню. Он достал из своей сумки раздавленные сигаретные окурки и высыпал их в одну из щербатых кружек, а потом составил пирамиду из банок с персиками и кофе.

Парень с пирсингом закурил один из бычков и сделал глубокую затяжку.

– А это, блин, кто?

– Вэл, – произнесла Валери прежде, чем Лолли успела ответить.

Вэл неловко переминалась с ноги на ногу, тревожно понимая, что не знает обратной дороги.

– Она моя новая подруга, – объявила Леденчик, устраиваясь в гнезде из одеял. Парнишка с пирсингом нахмурился.

– А что с ее волосами? У нее что, рак?

– Я их остригла, – объявила Вэл.

Почему-то это заставило парнишку с пирсингом и Дэйва рассмеяться. Лолли казалась очень довольной ею.

– Если ты сама не догадалась, это Луис, – сказала Лолли.

– Мало нам тех, кто сам сюда добирается, так и вы еще стали экскурсоводами? – возмущенно спросил Луис.

Ему никто не ответил, так что, возможно, вопрос был задан просто так.

Вэл почувствовала, как на нее наползает ужасная усталость. Она легла на какой-то матрас и натянула себе на голову одеяло. Лолли еще продолжала говорить, но совместное воздействие бренди, уходящего страха и усталости оказалось непреодолимым. Домой она вполне может вернуться потом: завтра или через несколько дней. Когда угодно. Главное, чтобы это произошло не сейчас.

Когда Вэл уже начала дремать, котенок Лолли вскарабкался на нее, гоняясь за тенью. Она протянула к нему руку, запуская пальцы в короткую мягкую шерстку. Он был еще крошечный, но уже совершенно сумасшедший.

Глава 3

*Нашла я теплые пещеры средь лесов,
Наполнила их чашками, эстампами, шкафами,
Вещами всяческими, китами шелков
И позвала на ужин эльфов с червяками.*
Энн Секстой. «Ее родня»

Напрягая все мышцы, Вэл вынырнула из сна в полное бодрствование. Сердце отчаянно стучало ей в ребра. Она чуть не закричала, но все-таки успела остановиться, вспомнив, где находится. Видимо, уже наступил день, хотя в туннелях было по-прежнему темно: единственный свет исходил от оплывающих свечей. На втором матрасе свернулась Леденчик, прижавшись спиной к Луису. Одна его рука была заброшена на нее. Дэйв лежал по другую сторону от нее, закутавшись в грязное одеяло и наклонив голову к Лолли, как ветвь дерева тянется к солнцу.

Вэл глубже спрятала голову под стеганое одеяло, хотя от него и шел слабый запах кошачьей мочи. Ей нездоровилось, но она отдохнула.

Вдруг она вспомнила, как пару недель назад просматривала с Томом каталоги колледжей. Он говорил о Канзасском университете, где читали хороший курс по журналистике, а обучение не было безумно дорогим. «И смотри, – сказал он, – у них есть женская команда лакросса», – как будто они и после школы планировали оставаться вместе. Она тогда улыбнулась и поцеловала его, продолжая улыбаться. Ей нравилось его целовать: он всегда умело отвечал на поцелуй. Сейчас она чувствовала себя раненой, глупой и преданной.

Вэл хотелось снова заснуть, но не получалось, так что она просто тихо лежала. Потом ей нестерпимо захотелось писать и пришлось, расставив ноги, присесть над вонючим ведром, обнаруженным в углу. Она стянула с себя джинсы и трусы, стараясь балансировать на цыпочках и держать одежду как можно дальше от тела. Вэл успокаивала себя, что так бывает во время поездки по шоссе, где нет стоянок, и приходится уходить в лес. Ни туалетной бумаги, ни листьев тут не нашлось, так что она немного попрыгала на месте, надеясь отрясти все досуха.

Возвращаясь обратно, Вэл заметила, что Дэйв начал ворочаться, и надеялась, что не разбудила его. Она засунула ноги обратно под одеяло и теперь почувствовала, что острые запахи туннеля смешались в запах, который она не узнавала. Свет струился сквозь решетку, установленную на улице над ними, слабо освещая черные, испещренные грязью железные балки.

– Эй, ты проспала почти четырнадцать часов, – сказал Дэйв, поворачиваясь на бок и потягиваясь.

Он был без рубашки, и, несмотря на сумрак, Вэл разглядела на его груди глубокий шрам от пулевого ранения, сильно стягивавший кожу. Дэйв подошел к жаровне и разжег ее с помощью спичек и скомканных газет. Потом он поставил на нее кастрюльку, вытряхнул молотый кофе из жестянки и налил воды из пластмассовой бутылки из-под молока.

Наверное, она слишком долго его разглядывала, потому что он поднял голову и ухмыльнулся.

– Хочешь? Молока нет, но сахара сколько угодно. Ковбойский кофе.

Кивнув, Вэл завернулась в одеяло. Дэйв налил ей через ситечко кружку кофе, и она с радостью взяла ее и согрела о нее сначала руки, а потом щеки. Рассеянно проведя рукой по голове, Вэл почувствовала короткую щетину, словно тонкий наждак.

– Тебе стоит пойти со мной побираться, – сказал Хиллатик Дэйв, глядя на матрасы с какой-то тоской. – Луис и Лолли готовы спать вечно, если им разрешить.

– А ты почему встал? – спросила девушка и сделала глоток из кружки.

Кофе оказался горьким, с привкусом дыма, но Вэл поняла, что ей нравится его пить. Дэйв пожал плечами.

– Я старьевщик. Надо проверить, что выбросили цивилиы.

Она кивнула.

– Это навык, как у свиней, которые вынюхивают трюфели. Он либо есть, либо его нет. Один раз я нашел часы «Ролекс» вместе с какой-то рекламной рассылкой и подгоревшими тостами. Как будто кто-то смахнул все с кухонного стола прямо в мусор, не глядя.

Несмотря на то, что Дэйв сказал насчет их склонности спать, Лолли застонала и выскользнула из-под руки Луиса. Глаза у нее были почти закрыты, а поверх вчерашней одежды она набросила грязный халат, скроенный как кимоно. Она была красивая – такая, какой Вэл не сможет стать никогда: пышная и крепкая одновременно.

Лолли толкнула Луиса. Он заворчал и перевернулся, приподнявшись на локтях. У стены что-то зашевелилось, и котенок подошел к ним и уткнулся головой в руку Луиса.

– Кстати, это кошка. Ты ей нравишься, видишь? – сказала Лолли.

– А ты не боишься, что ее сожрут крысы? – спросила Вэл. – Она вроде еще маленькая.

– Не слишком, – мрачно отозвался Луис.

– Перестань, ты же только вчера дал ей имя.

Лолли подняла котенка и посадила его к себе на колени.

– Ага, – сказал Дэйв. – Полли и Лолли.

– Полигимния, – уточнил Луис.

Вэл подалась вперед:

– А кто такая эта Полигимния?

Дэйв налил еще одну кружку кофе – для Луиса.

– Полигимния – это какая-то греческая муза. Не знаю, кто точно. Спроси у него.

– Не имеет значения, – сказал Луис, поджигая сигаретный окуроч.

Дэйв пожал плечами, словно извиняясь за то, что столько знает:

– Наша мама была библиотекарем.

Вэл толком не знала персонажей греческой мифологии: она только смутно помнила, что в девятом классе слышала что-то про «Одиссею».

– А кто теперь ваша мама?

– Никто. Она умерла, – ответил Луис. – Наш папа ее застрелил.

Вэл судорожно сглотнула и хотела пролепетать какие-то извинения, но Хилятик Дэйв заговорил первым.

– Я думал, что тоже стану библиотекарем. – Дэйв посмотрел на Луиса и продолжил: – В библиотеке хорошо думать. Так, как здесь. – Он снова повернулся к Вэл. – А ты знала, что я первым нашел это место?

Вэл покачала головой.

– Отрыл его. Я – властитель отбросов, повелитель помоек.

Лолли рассмеялась, и улыбка Дэйва стала шире. Казалось, собственная шутка стала нравиться ему больше, после того как Лолли оценила ее.

– Не хотел ты быть библиотекарем, – сказал Луис, качая головой.

– Луис всю мифологию знает. Например, Гермеса. Расскажи ей про Гермеса.

Лолли сделала глоток кофе.

– Он психопомп, – сказал Луис и бросил на Вэл мрачный взгляд, словно угрожая ей, если она вздумает спросить, что это значит. – Он путешествует между миром живых и мертвых. Типа курьера. Вот что Лолли хотела, чтобы я сказал. Но давай на минуту об этом забудем. Ты спросила насчет крыс, которые могут сожрать Полли. Что ты знаешь о крысах?

Вэл покачала головой.

– Ничего особенного. Кажется, одна перебежала через мою ногу по дороге сюда.

Лолли фыркнула, и даже Дэйв улыбнулся, но лицо Луиса оставалось напряженно-серьезным. Его голос звучал как заклинание, словно он повторял это раньше уже много раз.

– Крыс травят, отстреливают, ловят в капканы, избивают – точно так же, как бездомных людей, как нас. Крыс все ненавидят. Людям противно, как они двигаются, как скачут и постукивают лапками о пол. Крысы всегда отвратительны.

Вэл отвернулась и смотрела в темноту. Казалось, Луис ждет ее реакции, но она не знала, как правильно откликнуться. Она даже не была уверена, что понимает, о чем он на самом деле говорит.

Он продолжил:

– Но они сильные. Их зубы прочнее железа. Они могут прогрызть что угодно: деревянные балки, оштукатуренные стены, медные трубы. Все, кроме стали.

– Или алмаза, – сказала Лолли с ухмылкой.

Похоже, ее эта речь несколько не смутила.

Луис почти не подал вида, что слышал слова Лолли. Его взгляд по-прежнему был устремлен на Вэл.

– Раньше здесь, в городе, люди устраивали их бои в специальных ямах. Крыс заставляли драться с хорьками, с собаками, с людьми. Вот какие они сильные.

Дэйв улыбнулся, словно эти слова имели тайное значение для него.

– И при этом они сообразительные. Ты когда-нибудь видела крысу в метро? Иногда они входят в вагон на одной остановке и высаживаются на следующей. Они совершают поездку.

– Я такого никогда не видела! – фыркнула Лолли.

– А меня не интересует, что ты когда-то видела или не видела. – Луис посмотрел на Дэйва, который перестал кивать, а потом повернулся к Вэл: – Я могу петь хвалы крысам все утро, день и ночь, но это не изменит твоего отношения к ним, так ведь? Но что, если я сказал бы, что в мире есть такое, что относится к тебе так же, как ты – к крысам?

– А что это такое? – спросила Вэл, вспоминая, о чем говорила ей Лолли накануне вечером. – Ты имеешь в виду фе...

Она замолчала, потому что ногти Лолли впились ей в руку.

Луис долго смотрел на нее.

– И еще одно про крыс. Они неофобы. Понимаешь, что это значит?

Вэл покачала головой.

– Они не доверяют незнакомцам, – пояснил Луис без улыбки. – И мы тоже.

Тут он встал, выбросил докуренную сигарету на рельсы и поднялся по ступенькам, удивившим со станции.

«Какая задница!» Вэл дергала выбившуюся из брюк нитку, распуская ткань. «Мне надо возвращаться домой», – подумала она.

Но никуда не пошла.

– Не обращай на него внимания, – сказала Лолли. – Из-за того, что он может видеть вещи, которых нам не видно, он считает себя лучше нас.

Она подождала, чтобы Луис скрылся из вида, а потом взяла коробочку для ленча с изображением розовой кошки на крышке. Открыв защелку, она вынула оттуда свернутую футболку и, раскатав ее, разложила содержимое: шприц, старинную посеребренную ложку со стершимся кое-где покрытием, пару колготок телесного цвета, несколько запечатывающихся пластиковых пакетиков с янтарного цвета порошком, отливавшим в тусклом свете бледной голубизной. Лолли спустила рукав своего халата, и Вэл увидела на сгибе ее локтя черные отметины, словно кожа в этих местах обуглилась.

– Остынь, Лолли, – сказал Хиятик Дэйв. – Не при ней. Не это.

Лолли откинулась на гору подушек и сумок и посмотрела на Вэл.

– Мне нравятся иглы. Мне нравится ощущать сталь под кожей. Можно словить легкий кайф, вкалывая воду. Можно вкалывать даже водку. Идет прямо в кровь. Можно здорово напиться и дешевле будет.

Вэл потеряла руку.

– Это не намного больше того, как ты меня оцарапала.

Ей следовало бы ужаснуться, но весь ритуал заворожил ее. Это что-то напомнило, только Вэл не понимала, что именно.

– Извини. Луис был в таком настроении, что мне не хотелось, чтобы он начинал еще и про фейри.

Лолли скорчила гримасу и начала подогрывать над зажигалкой немного воды и порошка. Смесь закипела в ложке. Ноздри Вэл наполнились сладким запахом, напоминающим жженный сахар. Лолли набрала раствор в шприц, постучала по нему, собирая вверху пузырьки воздуха, и вытолкнула их со струей жидкости. Перетянув руку выше локтя колготками, Лолли медленно ввела кончик иглы в один из синяков.

– Теперь я волшебница, – заявила Лолли. В этот момент Вэл сообразила, что этот процесс напомнил ей, как мать накладывает макияж: раскладывает косметику, а потом использует средства по очереди. Сначала тональный крем, потом пудру, тени для век, карандаш для век, румяна... Все происходило спокойно и последовательно, как торжественная церемония. Слияние этих двух картин сильно ее смутило.

– Тебе не следовало делать это при ней, – повторил Дэйв, указывая на Вэл движением подбородка.

– А ее не колышет. Правда, Вэл?

Вэл не могла понять, что думает. Она еще никогда не видела, чтобы кто-то делал себе укол так профессионально, словно врач.

– Ей не положено видеть, – сказал Дэйв.

Вэл наблюдала, как он встал, начал расхаживать по платформе и наконец остановился под надписью из керамической мозаики, которая гласила: «За все надо платить». Ей показалось, что у него за спиной темнота изменяет свою форму, расплывается, словно капля туши, попавшая в воду. Казалось, Дэйв тоже это увидел. Глаза у него широко раскрылись.

– Не делай этого, Лолли.

Сумрак словно сливался в нечеткие формы, от которых у Вэл по рукам побежали мурашки. Размытые рога, пасти, набитые зубами, длинные, как ветви, когти образовались и снова растворились.

– В чем дело? Страшно? – презрительно спросила Лолли у Дэйва, а потом снова повернулась к Вэл. – Он собственной тени боится. Вот почему мы называем его Хилятик.

Вэл ничего не ответила: она продолжала смотреть на движущуюся темноту.

– Пошли, – сказал Дэйв Вэл, нетвердо идя к лестнице. – Надо идти проверять мусор.

Лолли преувеличенно надула губы.

– Вот уж нет! Это я ее нашла. Вэл моя новая подруга, и я хочу, чтобы она осталась здесь и поиграла со мной.

«Поиграла» с ней? Вэл не знала, о чем говорит Лолли, но ей не понравилось, как это прозвучало. В этот момент Вэл больше всего хотелось выбраться из этих давящих тесных туннелей и оказаться подальше от двигающейся тени. Сердце у нее колотилось так быстро, что она боялась, как бы оно не выскочило из груди, словно кукушка из часов.

– Мне надо выйти подышать.

Она встала.

– Останься, – лениво сказала Лолли. – Ты не согласишься, как тебе будет весело.

Ее волосы показались Вэл гораздо более яркими, чем всего мгновение назад, – их пронизывали аквамариновые тени. Воздух вокруг Лолли мерцал маревом, как над улицей в жаркий солнечный день.

– Пойдем, – позвал ее Дэйв.

– Почему ты всегда такой скучный?

Лолли закатила глаза и прикурила от жаровни. Половина сигареты моментально сгорела, но девушка все равно затянулась. Голос у нее стал медленным и нечетким, но взгляд сонных глаз оставался суровым.

Дэйв начал подниматься по желтой служебной лестнице, и Вэл быстро пошла за ним, чувствуя непонятный страх. Наверху Дэйв поднял решетку, и они оказались на тротуаре. Выйдя на яркий свет дневного солнца, Вэл поняла, что оставила на платформе свой рюкзак с обратным билетом внутри. Она полуобернулась к решетке, но в нерешительности застыла. Ей хотелось забрать рюкзак, но Лолли вела себя так странно... Все стало ужасно странным. Но, может быть, даже запаха наркотика было достаточно, чтобы заставить тени двигаться? Она мысленно пробежалась по списку веществ, которых следовало избегать, – его им дали на уроке по охране здоровья: героин, «ангельская пыль», кокаин, особый К. Она немного знала про них. Никто из ее знакомых не заходил дальше курения травки или выпивки.

– Идешь? – окликнул ее Дэйв. Впервые увидев его при ярком свете, Вэл заметила стершиеся подошвы его ботинок, пятна на джинсах, тугие мышцы на худых руках.

– Я оставила мой... – начала она, но потом передумала. – Не важно.

– Лолли просто такая, – сказал он с грустной улыбкой, глядя на тротуар, а не в глаза Вэл. – Ее ничто не изменит.

Вэл посмотрела на большое здание на другой стороне улицы и на бетонную площадку, где они стояли, – с высохшим и растрескавшимся прудом и брошенной тележкой для покупок.

– Если этим путем так легко забраться, почему мы шли через туннели?

Дэйв, похоже, смутился и секунду молчал.

– Ну, в финансовом районе в пять часов в пятницу довольно много народу, а в субботу он почти пустой. Ни к чему вылезать посреди тротуара, когда вокруг миллионы людей.

– И это все? – спросила Вэл.

– И я тебе не доверял, – добавил Дэйв. Вэл попыталась улыбнуться, потому что надеялась, что теперь он немного верит ей, но она могла думать только об одном: что случилось бы, если в какой-то момент, идя по туннелям, он вдруг решил бы, что не может ей доверять.

Вэл копалась в мусорном контейнере. Запахи пищи по-прежнему вызывали у нее позывы на рвоту, но после предыдущих двух мусорных свалок она уже немного к ним привыкла. Отодвинув горы измельченной бумаги, Вэл обнаружила только несколько досок, утыканных гвоздями, пустые коробки из-под компакт-дисков и сломанную рамку для фотографии.

– Эй, смотри-ка! – окликнул ее Хиятик Дэйв от соседнего контейнера.

Он вынырнул в морском бушлате с надорванным рукавом и с пенопластовой коробкой из ресторана, которая была почти до верху полна лапши в соусе «Альфредо».

– Хочешь? – спросил он, запихивая в рот изрядную порцию лапши.

Вэл с отвращением покачала головой, но засмеялась.

Прохожие с портфелями и сумками направлялись с работы домой. Казалось, никто не видел Вэл или Дэйва. Можно было подумать, что они стали невидимками, частью отбросов, которые перебирали. Именно об этом Вэл слышала по телевизору и читала в книгах. Предполагалось, что такой образ жизни унижает человека, но Вэл чувствовала себя освобожденной. Никто не смотрел на нее и не судил, хорошо ли подобраны предметы ее одежды или с кем она дружит. Ее вообще не видели.

– А разве сейчас не слишком поздно искать что-то стоящее? – спросила Вэл, прыгивая.

– Нет, утро – самое хорошее время. Примерно в это время в рабочие дни конторы выбрасывают мусор из офисов. Посмотрим, что тут есть, а потом выйдем около полуночи, когда рестораны выбрасывают вчерашний хлеб и овощи. А потом, на рассвете, снова надо обойти жилые районы до приезда грузовиков.

Она изумленно посмотрела на него.

– Но ведь нельзя это делать каждый день, так?

– Где-нибудь всегда выбрасывают мусор.

Вэл посмотрела на пачку журналов, связанных бечевкой. Пока ей не попалось ничего, что показалось бы стоящим.

– А что конкретно мы ищем?

Дэйв доел лапшу и швырнул коробку обратно в контейнер.

– Бери всю порнографию. Ее всегда можно продать. И все крутое, наверное. Если что-то кажется тебе крутым, скорее всего, еще кто-то тоже так подумает.

– Как насчет этого?

Она указала на ржавое железное изголовье кровати, прислоненное к стене дома в переулке.

– Ну, – сказал он, словно стараясь ее не обидеть, – это можно было бы оттащить в один из модных магазинчиков: они красят такие штуки и перепродают за большие деньги, – но они не заплатят нам столько, чтобы стоило трудиться. – Он посмотрел на темнеющее небо. – Черт. Мне надо кое-что забрать, пока не стемнело. Мне, может, придется отнести посылочку.

Вэл взяла изголовье. Ржавчина измазала ей руки, но ей удалось взвалить чугунное литье на плечо. Дэйв был прав. Она поставила тяжелое изголовье обратно.

– Что за посылочку?

– Эй, смотри-ка! – Дэйв присел на корточки и вытащил коробку, набитую любовными романами. – Пожалуй, это что-то нужное!

– Кому?

– Их, наверное, можно продать, – ответил он.

– Да?

Мать Вэл читала любовные романы, так что девушка привыкла к виду этих обложек: женщина с распущенными длинными волосами в объятиях мужчины, красивое здание вдали. Заглавия печатали замысловатым шрифтом с завитушками, а на некоторых книжках блестело золотое тиснение. Вэл готова была спорить, что ни в одной из этих книг не писали, как трахать парня собственной дочери. Хотелось бы ей увидеть такое на какой-нибудь обложке: молодого паренька и старую даму со слишком ярким макияжем и морщинами у рта.

– Зачем кому-то читать это дерьмо?

Дэйв пожал плечами, зажал коробку под мышкой и открыл одну из книг. Он не читал вслух, но губы у него шевелились, когда он просматривал страницу.

Они какое-то время шли молча, а потом Вэл указала на книгу у него в руке:

– О чем она?

– Пока не знаю, – ответил Дэйв недовольным голосом.

Он уткнул лицо в книгу, и они еще какое-то время шли в молчании.

– Посмотри!

Вэл указала на деревянный стул без сиденья.

Дэйв придиричиво осмотрел его.

– Нё-а. Его мы не продадим. Если только ты не хочешь взять его себе.

– А что мне с ним делать? – спросила Вэл.

Дэйв пожал плечами и повернул в черную чугунную калитку. Роман он бросил обратно в коробку. Вэл приостановилась, чтобы прочесть табличку: «Сьюард-парк». Высокие деревья затеняли почти всю заброшенную детскую площадку. Асфальт был покрыт ковром желтых и

бурых листьев. Они миновали пересохший фонтан с каменными тюленями, которые, наверное, летом пускали струи воды. Скульптура волка выглядывала из зарослей побуревшей травы.

Хилятик Дэйв прошел мимо этого, не останавливаясь: он направился к отдельной огороженной площадке рядом с филиалом Нью-Йоркской публичной библиотеки и протиснулся в дыру в ограде. Вэл пролезла за ним и очутилась в миниатюрном японском садике, заполненном горками гладких черных булыжников, сложенных в кучи разной высоты.

– Подожди здесь, – велел он.

Он рассыпал одну из каменных горок и достал небольшой сложенный листок. Спустя пару секунд он пролез обратно через ограду и развернул записку.

– Что здесь говорится? – спросила Вэл. Ухмыльнувшись, Дэйв протянул ей листок. Он оказался чистым.

– Смотри, – сказал он.

Скомкав листок, Дэйв подбросил его в воздух. Он взлетел над дорожкой и начал падать, а потом внезапно изменил направление, словно подхваченный ветерком. На глазах изумленной Вэл бумажный комочек покатился, пока не остановился прямо под детской горкой.

– Как ты это сделал? – спросила Вэл. Дэйв запустил руку под горку и извлек оттуда перемотанный липкой лентой пакет.

– Только не рассказывай Луису, ладно?

– Ты это по любому поводу говоришь?

Вэл смотрела на предмет у Дэйва в руках.

Это была бутылка из-под пива, запечатанная расплавленным воском. На горлышке висел обрывок бумаги, закрепленный на разлохмаченной бечевке. Внутри бутылки пересыпался карамельно-коричневый песок, отливавший фиолетовым.

– А в чем фишка?

– Послушай, если ты не собираешься верить Лолли, я не стану тебя уговаривать. Она и так уже сказала тебе слишком много. Но допустим, что ты на минуту поверила Лолли и что Луис может видеть целый мир, который не виден нам всем, и еще, скажем, что он выполняет кое-какие их поручения.

– Их?

Вэл не могла понять, не сговорились ли они просто запудрить ей мозги.

Дэйв сел на корточки и, быстро проверив положение солнца на небе, распечатал бутылку так, что воск на горлышке растрескался. Он пересыпал часть содержимого в пластиковый мешочек вроде того, из которого Лолли высыпала наркотик, и засунул мешочек в передний карман джинсов.

– Слушай, а что это? – спросила Вэл, но теперь ее голос стал неуверенным.

– Могу честно сказать, что ни хрена не знаю, – ответил Дэйв. – Слушай, мне надо пойти в центр и занести вот это. Ты можешь пойти со мной, только держись подальше, когда мы туда доберемся.

– А Лолли вколола себе в руку именно это? – спросила Вэл.

Дэйв явно колебался.

– Слушай, – добавила Вэл, – я ведь могу спросить у Лолли.

– Нельзя верить всему, что говорит Лолли, – заявил Дэйв.

– А что ты этим хочешь сказать? – возмущенно спросила Вэл.

– Ничего.

Дэйв тряхнул головой и зашагал по дорожке. Вэл пришлось идти за ним следом. Она не была уверена, что сможет найти обратную дорогу на заброшенную платформу, если он не выведет ее туда, а чтобы пойти куда-то еще, ей нужен рюкзак.

Они поехали по маршруту «Ф» до Тридцать четвертой улицы, там пересели на линию «Б» и ехали до Девяносто шестой улицы. Пока вагон с грохотом несся по туннелям, Хиятик Дэйв держался за горизонтальную перекладину и подтягивался.

Вэл смотрела в окно поезда, наблюдая, как мимо проносятся огоньки, отмечающие расстояние, но спустя какое-то время ее внимание переключилось на других пассажиров. Жилистый негр с коротко остриженными волосами бессознательно покачивался под музыку из своего наладонника, держа одной рукой пачку рукописей. Девушка, сидевшая рядом с ним, тщательно вырисовывала у себя на руке перчатку из чернильных спиралей. Привалившийся спиной к дверям высокий мужчина в сером костюме в полоску сжимал свой портфель, с ужасом глядя на Дэйва. Казалось, что у каждого человека была цель поездки, и только Вэл оставалась щепкой, крутившейся в реке, и даже не знала толком, в каком направлении движется. Она только знала, что делать, чтобы ее закружило еще сильнее.

От станции они прошли несколько кварталов до края Риверсайд-парк – бесформенного зеленого пятна, спускавшегося к шоссе и реке за ним. На другой стороне улицы стояли городские дома с кружевными чугунными решетками на окнах и дверях. Дверные проемы и лестницы обрамляли бетонные блоки со сложной резьбой, складывавшейся в фантастических драконов, львов и грифонов, которые с усмешками смотрели на нее в отраженном свете уличных фонарей. Они прошли мимо фонтана, где каменный орел с треснувшим клювом мрачно взирал поверх грязно-зеленого пруда, забитого листвой.

– Просто подожди здесь, – велел ей Дэйв.

– Почему? – спросила Вэл. – В чем проблема? Ты уже рассказал кучу дерьма, которого мне знать не следовало.

– Я же сказал: тебе не положено идти со мной.

– Ладно. – Вэл сдалась и села на край фонтана. – Я буду здесь.

– Отлично, – сказал Дэйв и побежал через улицу к двери без железной решетки.

Он поднялся по белым ступенькам, положил коробку с любовными романами и нажал кнопку звонка рядом с нарисованным аэрозольной краской грибом. Вэл стала рассматривать скульптуры химер, установленные на крыше здания. На ее глазах одна вдруг встряхнулась, словно птица на жердочке: каменные перья зашуршали и снова легли неподвижно. Вэл уставилась на нее – и через секунду химера застыла.

Вэл вскочила и пошла через улицу, окликая Дэйва. Но как раз когда она дошла до лестницы, черная дверь открылась и в дверном проеме возникла женщина в длинной белой рубашке. Ее спутанные коричнево-зеленые волосы выглядели немытыми, а кожа под глазами была темной, как синяки. Из-под подола рубашки, там, где должны были находиться ступни, выглядывали копыта.

Вэл замерла на месте. Дэйв повернул голову, обжег Вэл яростным взглядом, а потом вынул из сумки пивную бутылку.

– Зайдете внутрь? – спросила женщина на копытах.

Голос у нее был хриплый, словно она много кричала. Казалось, она не обратила внимания, что печать на бутылке сломана.

– Ага, – ответил Дэйв.

– А кто твоя подруга?

– Вэл, – ответила Вэл, стараясь не глядеть на женщину. – Я новенькая. Дэйв показывает мне, что к чему.

– Она может подождать здесь, – сказал Дэйв.

– Ты считаешь меня такой невоспитанной? Холодный ветер продует ее до костей.

Женщина открыла дверь шире, и Вэл с довольной ухмылкой зашла следом за Дэйвом внутрь. Там оказались выложенный мрамором вестибюль и лестница с перилами из старого полированного дерева. Женщина на копытах повела их по скупому обставленным комнатам,

мимо фонтана, где плавали серебристые вуалехвосты, такие бледные, что сквозь чешую у них просвечивали розовые внутренности, через музыкальный салон, где на мраморном столе находилась небольшая арфа с двойными струнами, и наконец привела в гостиную. Она уселась на кремовую кушетку с вытертой парчовой обивкой и жестом пригласила их присоединиться. Рядом стоял низкий столик, а на нем – стакан, заварочный чайник и потускневшая ложка. Женщина с копытами ложкой отмерила немного янтарного порошка в стакан, долила горячей водой и сделала большой глоток. Она поморщилась от неприятного вкуса, а когда подняла взгляд, то глаза ее засияли странным, ярким блеском. Вэл не удержалась и перевела взгляд на козы копытца женщины. Было нечто непристойное в короткой густой шерсти, покрывавшей ее стройные щиколотки, в гладкости черного рога, в двух расходящихся пальцах.

– Иногда лекарство может оказаться причиной болезни, – проговорила женщина с копытами. – Дэвид, обязательно передай Равусу, что было еще одно убийство.

Дэйв уселся на пол, выкрашенный под черное дерево.

– Убийство?

– Вчера ночью погибла Дании Ягодка. Бедняжка, она как раз выходила из своего дерева. Ужасно, как эта железная ограда окружала ее корни. Железо, должно быть, обжигало ее всякий раз, как она через нее переступала. Ты доставлял ей, так?

Дэйв тревожно пошевелился.

– На прошлой неделе. В среду.

– Вполне возможно, что ты последним видел ее живой, – сказала женщина с козыми ногами. – Будь осторожен. – Она взяла стакан и выпила еще немного раствора. – Пошли слухи, что твой хозяин торгует ядом.

– Он мне не хозяин. – Дэйв встал. – Нам надо идти.

Женщина с козыми ногами тоже встала.

– Конечно. Пройди со мной, я с тобой расплачусь.

– Ничего не ешь и не пей, иначе влипнешь еще сильнее, чем сейчас, – прошептал Дэйв Вэл, уходя за женщиной в другую комнату.

Вэл нахмурилась и прошла к горке. За стеклянной дверцей оказался большой цельный кусок, похожий на обсидиан. Рядом лежали еще какие-то предметы, не менее странные. Кусок коры, сломанная палка, острый репейник, похожий на шишку с бритвенно-острыми чешуйками.

Через несколько секунд Дэйв и женщина с козыми ногами вернулись. Она улыбалась. Вэл попыталась рассмотреть ее, не глядя ей в глаза. Если бы раньше кто-то спросил у Вэл, что бы она сделала, увидев сверхъестественное существо, она ни за что не ответила бы, что не станет делать вообще ничего. Ей не удавалось определить, что именно она видит, и понять, чудовище ли это. Пока они выходили из дома, Вэл слышала, как кровь стучит у нее в голове и отчаянно колотится сердце.

– Блин, я же сказал тебе, чтобы ты оставалась там! – прорычал Дэйв, махнув рукой на фонтан на другой стороне улицы.

Вэл слишком растерялась, чтобы разозлиться.

– Я увидела, как что-то – скульптура – движется. – Она указала наверх, на крышу здания и почти ночное небо, но говорить внятно не могла. – А потом я подошла, и... Что она такое?

– Блин! – Дэйв ударил в каменную стену кулаком, так что костяшки его пальцев содрались до крови. – Блин! Блин!

Он пошел по улице, вжав голову в плечи, словно ему навстречу дул сильный ветер. Вэл догнала его и схватила за руку.

– Скажи мне! – потребовала она, до боли сжимая его руку.

Дэйв попытался вырваться, но не смог. Вэл оказалась сильнее.

Он посмотрел на нее странным взглядом, словно оценивал расстановку сил.

– Ты ничего не видела. Там нечего было видеть.

Вэл возмущенно уставилась на него.

– А что ответила бы Лолли? Фейри, да? Только фейри на свете не бывает!

Дэйв захохотал. Она отпустила его и сильно толкнула. Коробка с романами упала, книги в бумажных переплетах высыпались на мостовую.

Он посмотрел на них, а потом – снова на Вэл.

– Чертова сука! – сказал он и плюнул на землю.

Вся ярость и напряжение последнего дня вскипели в Вэл. Руки сжались в кулаки. Ей хотелось что-то ударить.

Дэйв наклонился, поднял коробку и, уложив выпавшие книги обратно, процедил:

– Радуйся, что ты девчонка.

Глава 4

*Нельзя на гоблинов смотреть,
Плоды их покупать:
Не знаем мы, что за земля
Нужна, чтоб их питать.*
Кристина Россетти. «Ярмарка гоблинов»

На обратном пути, пока они ехали в метро, Вэл сидела на пластиковом сиденье далеко от Дэйва. Она откинула голову на схему метро под плексигласом и пыталась представить, как у человека могли вырасти копыта. Она уже видела тени, двигавшиеся сами по себе, и бутылки с коричневым песком, имевшие какое-то отношение к убитым дриадам. Вэл определенно поняла, что она больше не желает быть слепой и глухой дурой, которая не замечала, что ее мама и парень трахаются, пока не увидела это своими глазами. Она хотела знать правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.